

*Вещи приятней. В них
нет ни зла, ни добра
внешне. А если вник
в них – и внутри нутра.
Внутри у предметов – пыль.
Прах. Древооточец-жук.
Стенки. Сухой мотыль.
Неудобно для рук.*

И. Бродский. Натюрморт

«Причиной всех вещей не является...»

Поэтический взгляд на природу вещей, постоянное вглядывание, попытки докопаться до первопричины вещей – характерная особенность художественной практики Красулина. Постоянно возвращаясь к своим излюбленным объектам – табуреткам, коробкам, ящикам – художник будто оттачивает своё мастерство, пытаясь достигнуть совершенной формы предметов своего изучения. Красулин возводит в художественный метод апофатическое отрицание – как теологи пытаются дать определение божественному через последовательное отрицание всех возможных определений, несоизмеримых ему, так художник занимается поиском универсального определения сущего. Через отбрасывание лишнего, усечение живописного языка до условностей художник пытается дойти до самой сути, постигнуть природу вещей.

Красулин фиксирует важные для него культурные коды, созвучные его взглядам на мир. Цитаты из буддийской теологии, апофатических текстов Дионисия Ареопагита, стихотворения Бродского и Мандельштама оказываются в его черновиках, преломляясь через призму собственно красулинских эстетических принципов. Среди таких фиксаций – цитата из Дионисия Ареопагита: «Причиной всех вещей не является ни душа и ни ум, ни воображение, ни мнение, ни разум, ни сознание, ни сказанное и ни немислимое. Это не число, не упорядоченность, не великое, не малое, не равенство, не неравенство, не сходство, не несходство. Она не стоит и не движется, не покоится... Это не сущность, не вечность, не время. Нельзя даже сказать, мыслит ли она. Это не наука и не истина. Это не царство мудрости, не одно, не единое, не божество или благодать, даже не дух, как мы его знаем...» Такая негация сравнивается самим Ареопагитом с деятельностью ваятеля, вырубаящего из цельного камня статую и устраняющего все лишнее, что застилало даже от самого художника чистоту лика изображаемого. Возможно, переход Красулина от монументальной скульптуры к живописи также несет в себе стремление приблизиться к сущему через упрощение художественных средств.

В стихотворении «Натюрморт», строка из которого также фиксировалась Красулиным как важная и выбрана в качестве заглавия выставки, Бродский предпринимает беспрецедентную попытку описания человека как предмета – в стихотворении все превращается в натюрморт. Красулин

также препарирует действительность, вглядываясь не только в объекты, но и в мельчайшие элементы, как в цикле «Полосы». Создаётся впечатление предельного всматривания:

*«Пыль – это плоть времени
плоть и кровь»*

Экспозиция выставки выстраивается в апофатический нарратив об отсечении всего лишнего. От красулинских «почеркушек» – бесчисленного числа набросков все тех же вышеназванных объектов – через фиксацию тех же предметов в живописи до выхода к предельному упрощению сначала формы (серия «Полосы»), а затем и цвета.

В исламской традиции художники-миниатюристы, обходящие запрет на изображение живого, говорили о том, что только продиктованный свыше образ имеет право быть воспроизведенным: художник должен пятьдесят лет подряд рисовать предмет, лишь тогда он нарисует его таким, каким его видел Аллах, а лучшие рисунки вообще сделаны в темноте. Красулин на протяжении многих лет обращается к своим простым вещам, доводя художественный жест до знака, переходя от формы к абстракции и обратно, также будто диктуемый некими высшими силами. Для художника простая форма коробки, как форма берестяного ковша у ручья, является одновременно простейшей и в то же время совершенной формой, представляя собой вечную форму мироздания. Эта божественная примитивность образов Красулина транслируется вне эстетических и конфессиональных систем

Про свою деятельность на протяжении 1960-70-х Красулин скажет: «Пачкаю много бумаги, не думая о том, что по прошествии десятилетий это будет называться живописью и графикой». Несмотря на то, что выставка «Вещи приятней» является своего рода итогом многолетних опытов Красулина, фокусируясь на работах из разных серий, созданных за последние несколько лет, мы обнаруживаем себя в бесконечном потоке извечных красулинских сюжетов. В свои 85 лет, с внушительным багажом выставок позади, Красулин называет себя начинающим художником и вслед за Бродским говорит: «Пора. Я готов начать!», – снова и снова возвращаясь туда, откуда начал.

Серафима Кострова